

ГЛАВА 1

Говорят, главное в жизни — это найти свой согревающий в холодной ночи очаг и тех, кого можно вокруг этого очага собрать. Дом и семья издревле считались самыми главными жизненными приоритетами жителей далекой северной деревни Арвенх. Никто и никогда здесь не поставит интересы герцогства выше интересов своего рода. Каждый готов отчаянно и самоотверженно сражаться за свою семью, за свою деревню, свой дом и родной край. И пусть у кого-то рука еще не окрепла, чтобы твердо сжать рукоять меча, и пусть меча-то самого и нет; главное — желание, а оружие и доблесть всегда найдутся.

Немногочисленные жители Арвенха всегда все делали вместе и сообща. Всеми силами строили новую хижину для молодой пары, совместно снабжали их всем самым необходимым: деньгами, продуктами, одеждой и даже скотом. Вместе охотились и рыбачили, заготавливали дрова на зиму, которая длится в этих краях чуть ли не три четверти года. Всей деревней праздновали рождение очередного малыша и скорбели при чьей-либо кончине. Словом, без народной кооперации Арвенха толком бы и не существовало. Даже если в деревню забредали редкие гости, встречали их всей общиной. И в этот раз все было именно так.

Всю деревушку очистили от снега всего пару часов назад, но сильный снегопад вновь завалил единственную

улочку почти полуметровым сугробом. Дети души не чаяли в таких природных прихотях и с огромным удовольствием ныряли в снег, как в речную воду, играли в снежки и лепили снеговиков. Кое-кто даже прокопал длиннющий тоннель, ведущий от одной собачьей конуры к другой, и в отсутствие иных путей вынужденные встречаться собаки были этому совсем не рады: где-то из-под сугроба слышалось то ли озлобленное, то ли обреченное рычание.

Старший из детей, юный охотник Мильх, совсем недавно переживший то, чего и взрослым не пожелаешь, первым заметил незваных гостей. Прежде чем увидеть перед деревней тринадцать странно одетых путников, он почувствовал их приближение и поспешно наказал остальным детям спрятаться от греха подальше. На всякий случай у Мильха за пазухой был кривой нож для снятия шкур, но пользовался он им пока совсем неумело, да и не очень-то и хотел, по правде говоря. Противостоять взрослым гостям, коли у них появятся плохие намерения, с одним ножиком — верное самоубийство.

Тринадцать высоких и крепких мужчин, укутанных в длинные меховые плащи, выглядели воинственно. У каждого за спиной висело ружье или длинный лук, на поясе — короткий, но широкий палаш, а в руках они держали длинные вычурные глефы, на которые опирались как на посохи, чтобы не утонуть в глубоких сугробах. Один из путников, у которого вместо обычного набора оружия была лишь тонкая изящная рапира, жестом остановил отряд и медленно, сверкая доброжелательной улыбкой, подошел к вставшему у него на пути Мильху.

— Приветствую тебя, мальчик, — поклонился незнакомцу. — Имен наших тебе знать не нужно, по крайней мере пока. Мы выполняем особую волю герцога Герберта Чаризза, и указ его гласит, что каждый житель герцогства обязан нам помогать во всем. Собственно говоря, мы ищем двоих беглецов. Преступников, совершивших ужасные деяния. Скорее всего, они укрываются именно здесь, в вашем... вашей...

— Это Арвенх, господин, — сказал Мильх.

— Я знаю, — чуть раздраженно махнул рукой незнакомец, не стирая со своего лица все той же доброжелательной улыбки. — Просто мне хотелось подобрать какой-нибудь не оскорбительный, но унижающий эпитет. Не люблю провинциальных поселений, знаешь ли. Блевать от них тянет. От этой вашей грязи, от воняющего навозом скота, от ваших гребаных деревенских манер... вы вообще слышали о такой вещи, как салфетки или утюг?

— Угу, слышали, — надулся парень и сложил руки на груди. — Так чего вам надо-то? Мы никого не укрываем.

— Вы, конечно, можете даже и не знать, что беглецы — преступники. Они могли втереться к вам в доверие или же применить шантаж. Или просто обмануть. Вас, крестьян, обмануть — это как отобрать свободу у болотника. Или конфетку у ребенка. Просто, в общем. В любом случае вы должны мне их выдать, и тогда с вами все будет хорошо. Более того...

Мужчина отодвинул плащ и похлопал себя по брякающему золотом мешочку на поясе. Ехидно подмигнув, он снял кошель и протянул его мальчику. А Мильх тем временем пытался понять, почему этот человек кажется ему до боли знакомым. Словно раньше они уже встречались. Хотя лицо и было скрыто под глубоким капюшоном и густой седой бородой, Мильха не покидало чувство, что незнакомец этот очень опасен. Чрезвычайно опасен!

— Ну бери. — Мужчина потряс мешочком перед самым лицом юного собеседника. — Второй раз не предложу.

И тут Мильх вспомнил этого человека. Точнее сказать, вспомнил рассказы о нем, потому что сам его никогда в жизни не видел, да и совсем не горел желанием лицезреть самого Клода Люция, верховного инквизитора и епископа церкви Света. Вскоре после того как год назад Мильх возвращался на телеге со своей семьей с безуспешных заработков, на обочине им попались двое волшебников, как он тогда решил. Они тоже надеялись добраться до Арвенха, так что дальнейший путь до деревни все они провели вме-

сте. Но до приезда с ними приключилось кое-что из ряда вон выходящее: дорогу им перегородили работорговцы. И если бы не помощь Виктора и Даши, двоих пришельцев с Земли, коими оказались те самые «волшебники», все могло закончиться сквернее некуда. Вскоре спасители ушли на поиски чего-то, о чем сами не говорят, и там их подстерегали инквизиторы во главе с Клодом Люцием. Виктор, используя силу огня, которую давали ему магические руны на подушечках пальцев, победил епископа, но не убил, а лишь заставил его и прихвостней убратся во-свояси. После этого Виктор и Даша вернулись в Арвенх и провели здесь целый год, и охочий до интересных историй Мильх не раз расспрашивал новых друзей о том, что с ними приключилось. И те рассказывали. Не все, конечно, но многое. Поведали о работорговце Грокотухе и его бывших телохранителях «Орлах». О том, как Виктора поймал инквизиторский орден и затем пытал в своих подземельях. О побеге из лап епископа. О несанкционированном вторжении на праздник в герцогском дворце. О рыцарском турнире, из которого Виктор вышел победителем. О женитьбе Виктора на герцогской дочери. О последующем путешествии сюда, в Арвенх...

И во всех этих рассказах роль главного злодея всегда отдавалась именно Клоду Люцию. Мильх столько раз о нем слышал, что сразу же узнал епископа в этом зловредном и ненавидящем провинциалов путнике.

— Ну так что? — нахмурился епископ. — Ты берешь золото или нет? Ты пораскинь мозгами. Может, коров себе каких-нибудь купите. Или в грязь монеты закопаете, а на следующий год у вас вырастет монетное дерево, хе-хе...

Мильх был мал, но не глуп. Он знал, что противостоять тринадцати вооруженным опытным воинам нет ни малейшего смысла. Еще он знал, что ни за что не предаст Виктора и Дашу, которые в данный момент, как назло, отправились на лесную опушку вдалеке отсюда, чтобы практиковаться в своей рунной магии. Они часто этим занимались,

а оттого их силы росли как на дрожжах. И только эти двое могли сейчас защитить Арвенх от вероятного вторжения.

— Что язык прикусил, малец? Никогда настоящих денег не видел, что ли? Так посмотри еще раз: вот они, монетки-то! Звенят, радуют слух и глаз. Вы на эти деньги можете всей деревней кормиться в течение года.

— Да, господин, я согласен, — кивнул Мильх, придумав план. Парень сжал пальцы на мешочке и потянул его на себя, но епископ не спешил выпускать награду из своей ладони.

— Э-э, нет. Какие у меня гарантии, что ты не схватишь золотишко и не пойдешь предупреждать своих братишек и сестричек по разуму о нас? Вдруг ты хочешь взять мешок и собрать против нас ополчение, а?

Мильх затрясся от страха. Именно таков и был его план. К горлу подскочил комок, но мальчик сдержался и постарался всем своим видом показать, что ему смешно от одной только мысли о сопротивлении инквизиторам:

— Что? Ополчение? Господин, да мы в жизни оружия не держали, какое же из нас ополчение-то?

Епископ довольно хмыкнул и разжал ладонь, отдавая золото мальчишке:

— Да шучу я, малец, шучу. Но хитрить мне тут не вздумай, ясно? Иначе все закончите свою жизнь на костре. Все до единого.

Мильх нервно поклонился и, удерживая мешочек под мышкой, не выдавая себя, стремительно куда-то засеменял. В это время один из стоящих поодаль воинов епископа медленно подошел к своему командиру и спросил:

— Вы думаете, они все еще здесь, беглецы эти? На их месте я бы здесь не оставался даже неделю, не то что год. Очень сомнительно, что мы их встретим. Судя по вашим рассказам об этих преступниках, беспечность и наивность — явно не их качества.

— Нет, Глориан, они все еще здесь, — уверенным тоном ответил епископ. — Отряды герцога прочесали все вокруг в радиусе сотни миль. И эти псы иногда огрызались! То и

дело разведчики натыкались на этих ублюдков-иномирцев, а те агрессивно отбивались. Чудо, что никого не убили. Эти идиоты никогда никого не убивают. Моралисты хреновы.

Клод Люций презрительно сплюнул под ноги.

— Ваше преосвященство, даже если они здесь и были, то сейчас их здесь точно нет. Они наверняка хотят встретиться с вами лицом к лицу, особенно после того, как...

— Не надо мне напоминать о моем поражении! — рыкнул епископ, размахивая руками. — Твое дело, Глориан, и дело всех твоих ведьмаков — это без жалости и сожаления уничтожить иномирцев, а не давать мне бесполезных комментариев! Планированием здесь занимаюсь я!

— Прошу прощения, ваше преосвященство. — Воин смиренно склонил голову и направился к своим.

На полпути Клод Люций его остановил:

— Эй, Глориан!

— Да, ваше преосвященство?

Епископ горделиво вытянулся, сложил руки за спиной и оглядел деревушку. Вновь довольно улыбнулся, о чем-то ненадолго задумался. Затем повернулся к Глориану и злобно сощурился:

— Сожги здесь все. Сожги здесь все дотла. Убить всех до единого. Зарубите всех детей, вплоть до грудных младенцев, прямо на глазах у матерей. Но последним выпотрошите того юнца, который взял у меня деньги.

— Но, ваше преосвященство, это ведь всего лишь крестьяне. Они не...

— Сжечь все, мать твою, дотла! — взревел Клод Люций. — Выполнять приказ!

Опушка никогда не оказывалась укутана снежным покровом. Никто не знает почему, но на этом небольшом пятчке без деревьев даже в лютые холода росла бирюзовая трава и было довольно тепло. Кто-то считает, что прямо под поляной протекает какой-то очень горячий ключ или даже зарождается, не приведи Свет, небольшой вулкан.

Другие думают, что все дело в странном камне размером в человеческий рост в самом центре опушки. Камень этот ничего особенного собой не представлял, по крайней мере до недавнего времени, пока Виктор не стал использовать его как собственную рунную записную книжку. Он брал зубило и деревянную киянку, после чего составлял из Книги, найденной в древнем фамильном склепе герцогского семейства Чариззов, разные слова и предложения на рунном языке, попутно записывая или, лучше сказать, выбивая их на поверхности камня. Это помогало ему постигать силу рун; с каждым выученным словом или фразой Виктор становился все искуснее и искуснее в обращении с разрушительным пламенем. К сожалению, развитие какой-либо стихийной силы прямо пропорционально отнимало мощь иных стихий. К примеру, Виктор уже без труда мог сжечь всю поляну за считанные минуты, но потушить хоть маленький костерок, используя магию воды, — уже никак.

С другой стороны камня его спутница Даша совершала точно такие же действия, с той лишь разницей, что она концентрировалась на силах природы. Отказавшись от всего остального, девушка научилась стремительно заживлять раны, заметно ускорять рост растений и с большими трудностями понимать животных. Пока, правда, «поболтать» удалось лишь с надоедливym дятлом, но когда Даша сумела прогнать стучащую по сосне и отвлекающую от работы птицу прочь одним лишь вежливым словом, это казалось огромной победой. Маленький шагок на великом пути просветления.

Виктор только что закончил выбивать на камне очередную фразу, присел рядом и смахнул со лба пот: долбить киянкой целый час подряд под силу не каждому. Иномирец скинул с плеч кожаную куртку, затем расстегнул рубашку и с удовольствием улегся в мягкую, пусть и мокрую от высокой влажности воздуха траву.

— Как там дела, Даша? — спросил он, прикрывая глаза. — Все мучаешься?

— Мучаюсь, мучаюсь, — ответила девушка. — Представляешь, если у меня все пройдет, как я задумала, то вскоре мне удастся скрыться от любых глаз. Ну то есть я, конечно, останусь видимой, но, встав рядом с древесным стволом, я с ним сольюсь. Не знаю пока, как это будет выглядеть со стороны, но, скорее всего, эффектно.

Виктор решил не углубляться в чтение пресловутой Книги, потому что не знал, чем все может кончиться. Вполне возможно, что информация, выложенная на этих страницах, могла убить или чего хуже — подчинить воле какого-нибудь темного бога. Даша же Книги вообще не раскрывала и училась лишь со слов своего товарища. Понимание приходило само собой — руны были устроены таким образом, чтобы их значение мог понять даже младенец, знай он главный принцип их построения. Скажем, на пальцах Виктора, как и на пальцах Даши, запечатлены десять основных рун, из которых складываются все базовые заклинания. На каждую руну — своя стихия. Со временем эти палочки-черточки стали изменяться, подстраиваясь под ту или иную специализацию, и теперь уже подушечки пальцев держали на себе восемь рун огня, в то время как на оставшихся мизинцах едва мерцали «общие» руны. У Даши же все десять пальцев иногда сияли ровным зеленоватым светом, что значило только одно: она окончательно и бесповоротно посвятила себя силам природы, и возврата назад уже не осталось.

— А меня ты сможешь с деревом слить? А то все себе да себе.

— Если бы я знала, — продолжая стучать по камню, ответила Даша. — Вот ты же, например, не можешь передать мне фаербол¹ — мои руки сразу же загорятся, и от них останутся лишь черные головешки. Хотя, конечно, наверняка способ есть, его нужно только найти. Тут этих рун — считать не пересчитать. И жизни не хватит, чтобы все их запомнить. Простые сливаются, образуя сложные. Слож-

¹ Магический огненный шар.

ные сливаются, образуя суперсложные. И так далее, вплоть до двадцати, а то и тридцати колен. Слу-у-ушай, я нашла идеальную формулу: нужно отыскать руны, которые продлевают жизнь, и тогда за время всего своего существования можно будет выучить их все. Классно я придумала?

— Обалдеть просто, — хмыкнул Виктор. — Я, кстати, думал об ином. Если я правильно понял, то при определенном развитии после смерти можно... ну... стать чем-то вроде огненного духа. А духи живут вечно, пока не настанет конец света, разумеется. Только вот могут ли духи выбивать буквы на камне? Сомневаюсь. Но все равно какая-никакая, а тоже вечная жизнь.

— На самом деле не думаю, что хочу прожить, скажем, тысячу лет. Это же уму непостижимо: все твои друзья, знакомые, враги просто умрут. Герцогство, может, войдет в аналог нашего «нового» времени. Машины там, компьютеры, баллистические ракеты, полеты в космос, колонизация новых планет. Лагош, кстати, как-то говорил, что этот мир на грани смерти. В космических масштабах, разумеется. Одна из звезд в ближайшем будущем схлопнется в черную дыру, и тогда пиши пропало. Так что жить долго нет никакого смысла.

Виктор очень не любил, когда разговор заходил про Лагоша, но виду не подавал. Странное существо, занесшее иномирцев сюда, в этот мир, уже целый год оставалось лишь невидимым наблюдателем и не появлялось на горизонте. Может, он ушел навсегда. Виктор на это надеялся.

— А ты представь, что ученые умы все-таки отправят человека в космос, научатся достигать иных звезд. Возможно, даже найдут наше с тобой Солнце, родную Землю и смогут нас туда подбросить. Тебе разве не хочется побывать там еще раз? Не скучаешь?

— Честно говоря, не очень. Может, когда-нибудь и захочу туда вернуться, но пока что мне и здесь хорошо. Ар-

венх стал для меня новым домом, а его жители — моей семьей. Пусть пока так и остается.

Услышав слово «семья», Виктор вновь загрустил. Он очень скучал по своей давным-давно почившей жене Лизе, по детям и внукам, но в целом смирился с такой потерей и каждый день давал себе обещание двигаться дальше. Все-таки новая жизнь как-никак, вернувшаяся молодость. Но образ Лизы так и не смог испариться из головы иномирца, чем очень мешал ему заботиться о себе и просто радоваться жизни. К примеру, две молодые девчонки из Арвенха чуть глотки друг другу не перегрызли просто за то, чтобы одним вечером прийти к Виктору в его дом и принести ему свежих пирожков. А что — жених-то завидный: крепко сложен, красив, силен, магией владеет и, что самое главное, имеет добрейшее сердце. Иномирец до сих пор никого не убил, а поводов было — хоть отбавляй. Да и, в конце концов, пару раз Виктору казалось, что ему нравится Даша, но решаться хоть на что-нибудь он не хотел. Все время чувствовал себя виноватым перед человеком, умершим около тридцати лет назад.

А Даша несколько раз все-таки пыталась стать Виктору больше, чем просто другом, боевым товарищем и компаньоном по путешествию. Один раз у нее это даже чуть было не получилось: она поцеловала его в губы, не встретив сопротивления, но после этого Виктор ненавязчиво от нее отстранился, ничем такого поступка не аргументируя. Девушка решила, что всему свое время, и новых попыток завоевать сердце соотечественника не принимала.

— Может, пойдем обратно? — спросил Виктор. — У меня какое-то нехорошее предчувствие. Не знаю, волнение какое-то.

Даша вышла из-за камня и уперла кулаки в бока. Несмотря на усталость и помятый вид, выглядела она очень красиво, особенно в этих облегающих брюках, высоких сапогах с отворотами и шикарном темно-синем камзоле. Девушка сдула с лица прядь волос, уставила на товарища укоризненный взгляд и ответила:

— Так, хватит тут волнение наводить. У тебя каждый раз какое-то «предчувствие». Я уже замучилась бегать туда-сюда просто потому, что у тебя шарики за ролики поехали.

— Как скажешь, — пожал плечами Виктор. — Но мне все равно как-то не по себе.

— Ну так отдохни. Поспи, например. Или перекуси. Погляди в корзинку, я взяла с собой хлеба и овощей. Негусто, конечно, но червячка заморим. А мне еще все-таки нужно кое-что закончить, ясно?

— Угу, ясно, — нахмурился Виктор, вставая.

Он потянулся к корзинке с едой, а Даша вернулась к своей работе.

Пока время казалось относительно спокойным, иномирец целиком и полностью посвятил себя самосовершенствованию. Нет, разумеется, он участвовал в жизни Арвенха, причем в полную силу и не щадя собственных рук: рубил дрова, охотился, таскал воду и месил глину для кирпичей. Но все остальное время Виктор оттачивал свои навыки в фехтовании и магии, читал исторические, философские и религиозные книги, которые пылились на полках старейшины деревни. Однажды попросил кузнеца помочь ему «выковать» самую настоящую штангу. Заказ казался странным, но кузнец выполнил его в точности, и в тот же вечер Виктор уже делал «базу». За год таких занятий он неплохо увеличил мышечную массу и силу и в данный момент чувствовал себя настоящей скалой. Минус такого самосовершенствования в том, что ему приходилось постоянно и помногу есть, а найти сытный ужин иногда оказывалось задачей непосильной.

Виктор довольно улыбнулся, увидев в корзине не только хлеб и овощи, но и манящий ароматный кусок перченой солонины. Даша, не выглядывая из-за камня, коротко бросила:

— Не благодари. Ешь, не обляпайся.

А светила тем временем клонились к закату. До ночи оставалось еще несколько часов, но здесь, в густом сосно-

вом лесу, где верхушки деревьев, казалось, достают до самых небес, темнело значительно раньше. К тому же вечерами выходили на охоту голодные хищники, такие как снежные кошки или стаи диких волков. Кое-кто из деревни говорил, что после наступления сумерек в лесу вообще лучше не появляться, даже если ты вооружен до зубов, ибо злым духам презренный металл — не помеха.

Виктор плотно поужинал и поблагодарил подругу за заботу. Сделал несколько глотков воды из фляги и почему-то вдруг замер. Ему показалось, что он слышит крики. Прислушавшись, иномирец понял, что ему показалось, но закрывшееся в его голову волнение опять решило вырваться в словесной форме:

— Даша, нам пора. Я серьезно, мне нехорошо. Совсем скверное предчувствие.

Девушка тяжело вздохнула и закончила со своими делами. Вместе они оделись, вооружились, собрали разложенные на траве вещи и направились домой. Как только путники пересекли черту опушки, на них зловеще обрушилась сумеречная тьма, и в голову ворвались неприятные звуки вроде воя собак и вечернего совиного гула. Зверье готовилось к ночному веселью, и находиться здесь в это время действительно было довольно опасно.

Виктор шел впереди, на всякий случай чуть выдвинув из ножен лезвие Пакемберга — меча, изящного родового фламберга, подаренного ему герцогом Гербертом Чаризом год назад. Никакой реальной необходимости обнажать оружие пока что не было — с зубастыми хищниками можно было справиться простым огненным шариком. Причем одной лишь вспышки пламени обычно оказывалось достаточно для того, чтобы отпугнуть целую стаю волков и заставить их бежать, поджав хвосты. Но в этот раз, подсказывало что-то, клинок пригодится.

Через четверть часа иномирцы увидели где-то впереди яркое алое пламя. И это был не отблеск костра, не сожжение соломенного чучела. Горели дома, причем все разом. Арвенх был объят всепожирающим огнем.

— Я же говорил! — воскликнул Виктор, резко рванув вперед. — Быстрее, им нужна наша помощь!

— Святые угодники, — пролепетала Даша, поспевая следом.

Остаток пути до деревни преодолели за какую-то пару минут. Сгущающаяся темнота, волки или злые духи уже не беспокоили иномирцев. Увидев развернувшееся перед их глазами зрелище, они встали как вкопанные.

Пламя пожирало дома за считанные мгновения. Около дюжины странных широкоплечих мужчин в меховых плащах поджигали все, что еще каким-то чудом не успело подвергнуться сожжению. Некоторые незванные гости тащили за волосы еще живых женщин и детей. Вся земля вокруг уже была устлана корчившимися от адской боли жителей; большинство из них, скорее всего, умрет в самое ближайшее время от потери крови или смертельных ожогов.

Виктор взревел от ярости. Он буквально вырвал из ножен меч, силой рун воспламенил лезвие и бросился на выручку своим друзьям. Его заметили не сразу: появление иномирца оказалось полной неожиданностью. Виктор пробежал по мощеной дорожке, нырнул на единственную улочку и одним движением допрыгнул до ближайшего врага, держащего нож у горла маленькой девочки. Удар пламенным Пакембергом запросто мог перерубить надвое, но противник оказался более чем опытным. Он не стал закрываться живым заложником; оттолкнув визжащего ребенка, ведьмак уклонился от удара и сделал подсечку. Виктор, разум которого застила пелена лютой ненависти и злобы, даже и не подумал о защите. Его тело тут же рухнуло на землю и обмякло, но через мгновение вновь поднялось в вертикальное положение и приняло уже более расчетливую боевую стойку. Краем глаза иномирец заметил, как выпущенная из цепких лап злодея девочка улепетывает в лес со всех ног.

А вокруг уже собирались остальные ведьмаки. Слаженным строем они окружали Виктора, отрезая ему пути к от-

ступлению. Каждый из них был вооружен мечом или глефой, так что сражаться с ними в открытую казалось глупой идеей. Виктор, двумя руками сжимая рукоять Пакемберга, суетно поворачивался в разные стороны, короткими замахами отпугивая противников. Те лишь слегка сторонились огня, но через миг уже опять наступали, позабыв про страх.

— Стоять! — прокричал кто-то издалека. — Не трогать его!

Ведьмаки остановились, но оружия не убрали. Убегать по-прежнему не было никакой возможности. А из-за угла вальяжно вышел давно забытый враг, в котором Виктор без труда узнал епископа. Клод Люций тащил за воротник Мильха, того самого мальчишку, который встретил его у входа в Арвенх. Инквизитор держал возле юного оголенного горла лезвие серебряного кинжала.

— Вот мы и встретились, Джеймс, хе-хе, Берк! — рассмеялся епископ, входя в окружение своих бойцов. — Сколько лет, сколько зим, Викферт! Как дела, Виктор, как здоровьице? Не болеешь? Смотрю, раскабанел ты неплохо. Видимо, кормят в этой помойке хорошо. Небось бояться тебя. Еще бы не бояться — ты же колдун, в конце-то концов. Скажут слово против твоего — спалишь им дома одним щелчком пальцев.

— Как это сделали вы, ваше преосвященство?

Иномирца переполняли самые скверные, самые апатичные и при этом самые агрессивные чувства. Еще немного, и ярость бурным потоком вырвется из бочки, словно бордовое вино. Надо лишь сорвать пломбу и вытащить затычку.

— Во-первых, это поселение не платит налогов. Оно будто само по себе. Живут себе дикари в лесу и думают, что могут не участвовать в жизни государства. Но герцогство не терпит халтуры! И Герберт Чаризз не любит, когда ему лгут! Так что я взял на себя смелость слегка... урезать количество имущества и жизней этих никчемных люди-

шек. В конце-то концов, никто ведь о них кручиниться не станет, верно?

— Я глотку тебе перегрызу, сволочь, — сквозь зубы процедил Виктор. Он смотрел то на злорадную ухмылку врага, то в полные ужаса и отчаяния глаза Мильха. Парень явно не желал умирать вот так, от руки священнослужителя, от главы церкви Света. — Хоть пальцем его тронешь — и ты не жилец.

— Смотрите-ка, как шакал зарычал. Наконец-то ты раскрыл свою истинную сущность, дружище. Недаром говорят, загнанный зверь всегда покажет настоящую натуру... так, на чем я остановился? Ах да. Во-вторых, все эти люди, по большей части уже мертвые, насквозь пронизаны твоей демонической сущностью. Все они — часть культа Викферта, ужасного демонолога, желающего смерти всему живому на планете.

— Что... что ты несешь? Какие еще демоны?!

— Ну знаешь, разные байки ходят по закоулкам Авельона. И эта — одна из них. Пожалуй, самый распространенный вариант.

— Это ложь! Рано или поздно все раскроется. И тогда...

— И что тогда? Что?!

Епископ расхохотался, толкнул Мильха в ноги, и тот упал наземь. Кинжал все еще блестел около горла мальчика, и Виктор машинально потянулся вперед.

— Ни шагу больше! — рявкнул Клод Люций. — Этот малыш все равно умрет, я убью его, как и всех остальных. Но ты можешь даровать ему несколько лишних минут жизни. Или можешь попробовать его спасти, но тогда... чик! И все.

Виктор огляделся в поисках Даши. Он заметил ее далеко не сразу, потому что та стояла под деревом... и почти полностью с ним сливалась. Каким-то образом иномирец знал, что она там, чувствовал неким шестым чувством. Ему даже удалось разглядеть, как та мотает головой, пытается донести до него два слова: «Не надо».

— Чего ты хочешь? — спросил Виктор, опустив клинок

в землю. — Чтобы я сдался? Хочешь снова усадить меня в темницу, отрубать пальцы непонятно зачем? И для чего тебе это?

— Ты — зло, чужемеирец. Самое ужасное зло в этом мире. Не понимаю, почему ты сопротивляешься? Если раскаешься в грехах, то, возможно, тебя будет ждать более приятная участь, чем сожжение на костре.

Виктор усмехнулся. Уж он-то знал, что никакой огонь теперь не способен ему навредить. По крайней мере, пока он сам не возжелает обратного.

— И в каких же грехах я повинен, а? Давай, предъявляй обвинение!

— Тебе предоставить полный список или же обойдемся кратким перечнем в трех томах?

— Воздержусь от прослушивания твоих тошнотворных длительных речей. Давай хотя бы основное, что ли. Самый-самый сок. Просвети уж, так сказать, пещерного человека.

— Да не вопрос. Начнем с того, что в Кодексе инквизиции, равно как и в священных писаниях Света, есть особые главы и указания, в которых предельно ясно говорится о наличии иных миров и об их угрозе для нашего. Также там присутствуют и туманные пророчества о так называемых Странниках — путешественниках с чужих планет на нашу. И Свет абсолютно точно предписывает своим служителям не поддаваться соблазну обмена любой полезной информацией с такими вот иномирцами, а жечь их на месте, да чтоб прилюдно и помедленнее! В этом правиле, по правде говоря, есть исключение: если грешник решится на сотрудничество и добровольную сдачу, ему может быть сохранена жизнь. Может быть.

Виктор закатил глаза. Речи епископа казались ему таким бредом.

— Я же просил покороче. А ты тут тираду развел. Что там во-вторых?

— Во-вторых, тебя обвиняют как подельника работо-

рговца Грокотуха. Мол, организовали компанию по продаже живым мясом на двоих да в ус не дули.

— Но ведь это ложь. — Виктор начал постепенно закипать. Ничто так не заставляет человека запылать огнем, как распространившаяся по всей округе и плотно въевшаяся в умы людей клевета о нем. — Ужасная, неправдоподобная и абсолютно противоречащая всем моим действиям ложь! Я до последнего не знал, что Грокотух торгует рабами. Напомнить тебе, как я узнал об этом ма-а-аленьком сюрпризе? Да-да, этот гребаный пепельник продал меня тебе!

— Ложь? Правда? Кого это волнует? Главное — что история до умопомрачения душещипательная. А люди, сам знаешь, клюют на громкие скандалы, как болотники на незащищенные караваны.

— Тебе это даром не пройдет. Клянусь, я перережу твое живое горло, а потом...

— Тпр-р-ру, лошадка, притормози. Я еще не закончил оглашение краткого списка твоих грехов. В-третьих, тебе приписывается неповиновение требованиям служителей Света, что, несомненно, является тяжким преступлением на территории герцогства. А когда я говорю «неповиновение», я имею в виду сопротивление аресту, попытки побега, отказ от сотрудничества с Палачом... помнишь Палача? Он со времени твоего побега сам не свой. Все ходит угрюмый, не вылезает из подземелий. Порою тащит в свою конуру очередного грешника и отрывает ему большие пальцы рук. Но его это уже не заводит. Он скушает по твоим крикам, по твоим сладким, но безмолвным крикам...

Виктору вдруг захотелось плюнуть на собственную безопасность, безопасность Даши и Мильха; с оглушительным кличем ринуться в бой и, приложив все свои усилия, уничтожить как можно больше врагов, предварительно забрав с собой на тот свет его преосвященство. Но, взвесив еще раз все «за» и «против» такого сомнительного поступка, иномирец все-таки решил повременить. Вместо этого он спросил:

— И что же дальше? Давай, я все еще слушаю. Что-нибудь про ограбление банка расскажи, или про спуск поездов под откос. Я ведь тем еще отморозком был, судя по твоим рассказам.

— Ни слова не понял из твоей белиберды, червь, и даже не стану пытаться. В-четвертых, разбойное нападение на должностных лиц, присвоение себе их личностей и насильственное заточение бедолаг на период своих дальнейших злодеяний. Слава Свету, Лара и Джеймс Берк живы и здоровы. От шока, правда, до сих пор не отошли, но это уже дело десятое. Похищение, шантаж, изнасилование, избиение и всяческие унижения... бедные Лара и Джеймс. Ох какие бедные! Герцог им в связи с такими чудовищными испытаниями выделил два полнехоньких сундука с золотом, освободил от уплаты налогов на целых три года, даровал небольшой, но очень красивый корабль. «Для реабилитации», так сказать.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, что никого мы не шантажировали и не унижали. И уж тем более не избивали и не насиловали. Ты ведь знаешь это!

— Какая разница, что знаю я? Важно, что знает народ! И народ тебя ненавидит. Всем сердцем ненавидит. Но это уже лишние разглагольствования, идем дальше. В-пятых, ты обманом попал на праздник герцога, хоть это и не столь страшный грех. Ввел всех в заблуждение — что, мол, ты и есть Джеймс Берк. И подружка твоя, как там ее... кстати, где она? Жива ли вообще? У меня к ней тоже есть разговор.

— Живее всех живых, да и тебя еще переживет. — Виктор плюнул под ноги епископу, отчего тот лишь склонил набок голову и чуть приподнял брови.

— Ерничает, значит. Упираешься, как барашек. Знаешь, что с барашками делают? Их режут. Собственно, давай продолжим. В-шестых, ты обманом победил на рыцарском турнире, взял в жены герцогскую дочку, обесчестил ее, избил, заковал ее пухленькие ножки в кандалы, а сами кандалы прибил к подоконнику и свесил бедняжку из

окна на радость проходящим мимо извращенцам, тунеядцам и прочему сброду. Девочка получила нервный срыв и чуть не умерла от холода, потому что она свисала с подоконника абсолютно голой, а на дворе стояла холодная ночь и шел сильнейший ливень! И некому было ей помочь — ведь всех служанок нашли с перерезанными шеями, отрубленными ушами и выколотыми глазами, что стало очередным подтверждением причастности тебя, Виктор, к какому-то кошмарному демоническому культу. Ибо нормальные люди так не поступают.

— Ты только что натолкнул меня на мысль, что я сделаю с твоим трупом, — сквозь зубы процедил иномирец. — Это, правда, лишь малая часть задуманного, так что не беспокойся: я позабавлюсь на славу. Обещаю.

Епископ чуть сильнее надавил лезвием на горло заложника, и по шее Мильха потекла тоненькая струйка алой крови. Парень был настолько ошарашен происходящим, что сил и желания сопротивляться у него не осталось. Он глядел на Виктора обезумевшими от страха глазами, жадно глотал пересохшим от волнения ртом воздух и все время тряся, словно стоял жуткий мороз, хотя жар от горящей деревни превратил эту зиму в адское пекло. Виктор первостепенно желал спасти Мильха от участи, что уготовил ему Клод Люций, но идей по этому поводу не возникало никаких. Иномирец лелеял надежду, что спрятавшаяся неподалеку Даша уже готовит план по спасению хотя бы мальчика или, что гораздо лучше, всех сразу.

— В-седьмых, ты вторгся на запретную территорию фамильного склепа семьи Чариззов, похитил хранящийся там древнейший артефакт и чуть не убил меня, моих солдат и даже моих коней. Ты знаешь, что после той ночи домой не вернулись тринадцать моих людей? Их изувеченные тела пришлось похоронить прямо там, неподалеку от склепа, в промерзлой земле... да хранит Свет их души.

Виктор окончательно закипел. Он почувствовал, как заболели его пальцы от чрезмерного сжатия рукояти Пакемберга. Пламя на лезвии пылало так сильно, что отдель-

ные его языки срывались в сторону ближайшего к ним объекта — одежды на иномирце. Кожаная куртка воспламенилась, как ей было положено, но сгорать явно не собиралась. Виктор контролировал этот процесс целиком и полностью: огонь не мог причинить ему ни малейшего вреда. Зато когда куртка, да и весь Виктор оказались объятими нешуточным огнем, это заставило противников сделать несколько шагов назад. Отступили все, кроме епископа.

Позади Клода Люция показалось какое-то смутное мерцание. Иномирец напряг свое зрение и по легким колебаниям воздуха определил, что это Даша; она наконец смогла постичь тайну рунной незаметности, и очень даже вовремя.

А епископ, щурясь от света и жара, лишь накинул на голову капюшон и стал медленно подходить к «грешнику», держа перед собой Мильха. Парень тоже ощущал разрушительное действие огня, а потому крепко зажмурил глаза и стал махать перед лицом ладонями.

— Давай, сожги его! Сожги этого ребенка, сожги! Я пожертвую собственными кожей и зрением, лишь бы увидеть, как ты проявляешь свою демоническую сущность!

Виктор, поняв, чем грозит его воспламенение, оставил огонь лишь на лезвии Пакемберга. А епископ с Мильхом тем временем подошли к иномирцу уже достаточно близко, так что между непримиримыми соперниками оставалась лишь пара небольших шагов. Виктор воззвал ко всем богам сразу, чтобы те крепко держали его за руки и не дали совершить опрометчивой ошибки, которая будет стоить жизни невинному ребенку.

— А теперь, ничтожество, верни герцогскую реликвию, которой ты перерубил добрую сотню служителей Света, и преклони колени перед тем, в чьей власти каждая жизнь в этом государстве!

Может, действительно помогли боги. Может, Виктор не совсем еще выжил из ума. Вместо желанной атаки на

Клода Люция он немного отступил назад и стал медленно опускать клинок. Ему пришлось сказать:

— Ладно, ладно, ты победил. Признаю. Долго же ты за мной гонялся, святоша. Настолько долго, что мне и убежать-то уже наскучило. Бегаешь, бегаешь... а в итоге что? Да ничего. Еще одно временное пристанище, которое рано или поздно окажется под руинами, причем по твоей вине...

Даша, будучи абсолютно невидимой для солдат епископа, аккуратно протиснулась между двумя ведьмаками и украдкой подошла к Клоду Люцию. Виктор все это прекрасно видел, а потому тянул время как мог: он делал вид, что собирается сдаться, но из боевой стойки не выходил. При необходимости его рука могла за долю секунды поднять оружие навстречу врагу и провести контрудар.

— Знаешь, преосвященство, я бы даже хотел с тобой сотрудничать. Положим, я сдамся. Что мне за это будет? Останусь ли я в живых, будут ли со мной хорошо обращаться? Смогу ли я покидать пределы вашей церкви, если мне вдруг захочется развеяться и поглазеть на ту грудастую певичку из рода пепельников, что работает в трактире прямо в центре Авельона?

Девушка тем временем вытащила из-за пазухи небольшой кинжал и поднесла лезвие к шее епископа. Тот ничего не замечал, слушая угодные его слуху речи иномирца.

— А в тебе еще осталась капля благоразумия, — усмехнулся Клод Люций. — Сотрудничество, дипломатия... ах! Почему нельзя было с этого начать? А то разбежался, понимаешь ли, по занесенным снегом лесам, хе-хе. Ну что я могу сказать? Мне льстит, что я наконец победил, я радуюсь твоему страху — если не за себя, то хотя бы за остальных. И я давным-давно мечтаю о том, чтобы ты сдался добровольно! Такой человек, как ты, может нам сильно помочь. Очень сильно.

— И в чем же я смогу помочь ордену инквизиторов?

— О, не все сразу. Я все расскажу со временем. А пока могу лишь пообещать, что не стану убивать тебя и этого

ценка, — хмыкнул епископ, косо взглянув на Мильха. — Одно лишь дельце осталось, исключительно формальное. Отдай мне меч.

Виктор взглянул на Дашу и почти незаметно кивнул — мол, начинай! Девушка заколебалась. Она и раньше-то никого не убивала, хотя и могла, а теперь, в такой стрессовой ситуации, решиться на столь радикальный шаг оказалось тяжелым делом. Иномирец, видя душевные метания подруги, продолжал тянуть время:

— Позволь мне оставить меч себе. Это просто кусок стали, не более того. При желании зажечь я могу даже воздух, просто придав огню форму меча. Честно говоря, это оружие практически стало частью меня. Мы идеально подходим друг другу. Позволь оставить меч себе.

— Исключено, — резко ответил Клод Люций. — Меч. Живо.

С огромной тяжестью проглотив подскочивший к горлу ком, Виктор стал медленно протягивать Пакемберг епископу, попутно мысленно умоляя Дашу начать. И Даша начала.

Когда кончик кинжала коснулся места чуть пониже затылка, где позвоночник переходит в череп, епископ решил, что подцепил где-то клеща. Но через мгновение этот «клещ» укусил так, как не кусает даже волк. Лезвие с хрустом вошло в мозг, перерезав один позвонок. На всякий случай, довершая начатое, Даша попыталась провернуть кинжал вокруг своей оси, но это действие не только не принесло никаких плодов, так как Клод Люций к этому моменту уже был мертв, но еще и усугубило ситуацию. На девушку обрушился целый фонтан крови, облив ее с ног до головы. Разумеется, ни о какой незаметности уже не было и речи.

А окружающие еще несколько секунд ошарашенно смотрели на застывшее выражение непонимания происходящего на лице епископа, после чего стремительно мобилизовались и решили, что настала пора убивать иномирцев. Стоит признать, они не растерялись и живо опре-

делили для себя нового командира — им оказался ведьмак Глориан, правая рука ныне убитого Клода Люция: он что-то громко прокричал, и воины приняли боевую стойку, сомкнув кольцо.

Даша с трудом вытащила из черепа епископа кинжал, и обмякшее тело сразу же рухнуло наземь, придавив своим весом Мильха. Мальчик тихонько заскулил, и Виктор немедленно бросился к нему на помощь. Оттолкнув тело епископа, иномирец подхватил одной рукой Мильха, а другой угрожающе взмахнул мечом. Даша тем временем встала рядом и слегка согнула ноги, готовясь в любой момент дать деру.

— Именем герцога, прекратите сопротивление, — куда более учтиво, нежели Клод Люций, приказал Глориан. — Лишнее сопротивление только усугубит вашу участь. Нами, в отличие от его преосвященства, не движут месть или маниакальное желание поймать вас, но у нас есть четкий приказ. Желательно взять живыми. Будете сопротивляться — насадим головы на пики. Ваш выбор?

Поразившись вежливости преемника епископа, Виктор чуть было не согласился на капитуляцию. Спустя несколько секунд раздумий он помотал головой и, словно собака от воды, отряхнулся от неправильных мыслей. Не став поддаваться соблазну, Виктор гордо выпрямил спину и направил лезвие клинка прямо в лицо Глориану:

— Вот вам встречное предложение: поскольку вы нам так же безразличны, как и мы вам, отойдите в сторону. Мы разойдемся как в море корабли, и ни один фрегат не будет потоплен шальным ядром. Иначе же, уверяю, будут жертвы. Оно вам надо? Не думаю.

В знак подтверждения своих слов Виктор провел кончиком лезвия по земле вокруг себя, Даши и Мильха, и эта полоса тотчас загорелась. Пламя поднялось до уровня глаз, но каждый понимал, что эффективность такой преграды чрезвычайно мала.

Несмотря на критически напряженную обстановку,

Виктор не забывал и оглядываться по сторонам. Кроме полезной информации об окружении ему на глаза попадались абсолютно не принципиальные в данный момент вещи, такие как обуглившиеся черные стены домов, все еще корчащиеся в адских муках жители Арвенха, реки крови, а также постепенно перебирающийся на ближайшие к деревне сосны пожар. Весь этот ужас вызывал лишь чувство вины; иномирец винил себя во всем, что произошло. Именно он навлек беду на Арвенх. Из-за него погибли десятки прекрасных отцов, любящих матерей, заботливых бабушек и дедушек, подающих надежды в ремеслах детей и уже умелых во всем юношей. Виктор было решил, что пора прекратить весь этот спектакль и сдаться ведьмакам, чтобы помочь оставшимся в живых и спасти их от неминуемой гибели, но вдруг понял, что помогать, кроме Мильха, уже некому. Абсолютно. Если кто и сбежал в лес во время нападения, темной ночью среди сосен его ждет лишь смерть от волчьих зубов или проклятия злых духов.

Даша понимала, о чем сейчас думает ее товарищ, и не могла с ним не согласиться. Она так же, как и он, считала себя виноватой, и прекрасно понимала, что именно из-за нее и Виктора здесь объявились безжалостные ведьмаки во главе с ныне покойным безумцем Клодом Люцием. Но девушка смотрела не только на настоящее и мыслила на несколько шагов вперед: она знала, что, если сейчас сложить оружие, все закончится смертью иномирцев и, возможно, Мильха. А если попытаться принять бой, то останется крошечный, призрачный шанс на желанное спасение.

Виктор понурил голову. Выдавив из себя страдальческую улыбку, он убитым голосом заявил:

— Уберите оружие. Мы сдаемся.

Выпучив глаза от удивления, Даша сперва взглянула на друга, а затем громко опровергла только что произнесенное заявление:

— А вот и нет, ни хрена мы не сдаемся. Узрите силу рун, герцогские прихвостни!

Виктор будто сразу протрезвел, услышав речь подруги. У него не было никакого плана, а потому он лишь понадеялся на то, что Даша что-нибудь придумает.

— Неверный выбор, — констатировал Глориан. — Убить их, всех до единого.

ГЛАВА 2

Чудесами мир полнится. Вот, казалось бы, самый холодный край герцогства, северная граница, зима длиною в три четверти года, а иногда затягивающаяся на год или даже на несколько лет, древние непроходимые леса с рвущимися к небесам соснами, заледенелые моря... а стоит пройти лишь один горный хребет на востоке, и климат тотчас становится сухим и теплым. Сперва, конечно, все еще прохладно, но снега уже нет, равно как и деревьев: кое-где лишь виднеются лиственные лесочки, стволов которых не хватит даже на постройку небольшой хижины. Рядом с хребтом трава зелено-голубая, высокая и густая, но всего в трех часах пути в противоположную от герцогства сторону земля становится абсолютно голой и безжизненной, испещренной тысячами шрамов и морщин. Здесь только изредка попадаются кустарники и трава, еще реже — полноценные деревья. Лишь тонкие струйки мутных желтых речушек дают пищу местному зверью.

Если незадачливый путник все-таки окажется любимцем богов и каким-то чудом сможет пройти через эти безжизненные земли, то впереди его будет ждать еще более суровое испытание. Твердая, хоть и потрескавшаяся, земля постепенно уступает свой трон песчаным барханам, а редкие кустики — странным пурпурным кактусам с острыми как бритва иглами и очень соблазнительными синими ягодками на верхушках. Газовый гигант здесь совсем теряется из виду — его закрывают горы, оставшиеся позади, являющиеся официальной границей между са-

мым крупным и развитым государством этого мира — Авельонским герцогством — и второй в этом рейтинге державой — Лавеосским ханством, родиной и пристанищем большинства пепельников — высоких серокожих чудовищ, коими они кажутся обычному человеку.

Несмотря на серьезную отсталость в развитии, ханство это появилось еще за тысячи лет до возникновения первых человеческих городов. По древним легендам, в эти земли из неизвестных краев пришла крупная кочевническая община под предводительством двуглавого пепельника неимоверных размеров, возвышающегося даже над своими сородичами на три головы. Этот великий воин и мудрый вождь впервые за всю историю решил осесть на берегах единственной крупной здешней реки, названной местными Лавеосс, что в переводе с древнего языка значит «праматерь». Река и дала название ханству. Со временем стали появляться новые поселения, и вскоре образовалось целое государство. Но пепельники оказались не первой разумной цивилизацией в пустынях: тут и там путешественники находили следы еще более древнего народа — величественные пирамиды, сокрытые под морем песков города, нетронутые и заполненные сокровищами могильники...

И вот теперь Лавеосское ханство по размерам ничуть не уступает соседствующему с ним герцогству, а по населению даже превосходит. Но закрытость и нежелание пепельников принимать союзников с распростертыми объятиями делают свое дело: в то время как герцогская армия вовсю вооружается хоть и среднего качества огнестрельным оружием, а на южных границах герцогства полным ходом идут испытания первого в истории паровоза, большинство пепельников с недоверием принимают железо и по какой-то одним богам ведомой причине отдают свое предпочтение бронзе. Нет, несомненно, часть населения, наблюдая за людьми, желает приобщиться к их культуре, познать их тайны и перенять научные достижения, но желания меньшинства в ханстве никого не интересуют. Вер-

ховный правитель и единственный законодатель — хан — на корню пресекает любые попытки своего народа перенимать что-либо у человечества. Быть может, всему виной недавние войны между ханством и герцогством. Может, дело в чем-то ином. Так или иначе, попавший в эти земли человек изначально обречен на общенародное презрение и перманентное недоверие.

Виктор узнал все это из книг, что хранились у старейшины Арвенха. Несмотря на интерес к этому миру, он и не надеялся, что когда-нибудь попадет в Лавеосское ханство. Более того, он отчаянно этого не желал и молил небеса о том, чтобы они его туда не забросили. По рассказам жителей Арвенха и Даши, мало кто из попавших туда без письменного разрешения самого хана возвращался обратно. Лишь получившие документ, разрешающий вести торговлю, или подтвердившие свой статус дипломата могли не опасаться за свою жизнь, ступив на горячие пески Лавеосса.

К великому сожалению, торговать Виктору в ханстве никто позволения не давал, а с дипломатией у него всегда было неважно. Иномирец считал, что не сейчас, так завтра их уничтожит какой-нибудь патруль из пепельников-пограничников, но он даже не догадывался, что самыми страшными врагами в пустыне окажутся жара и жажда. Если бы в этом мире у Виктора был термометр с Земли, то днем он показывал бы градусов пятьдесят, если не больше, а ночью опускался почти до нуля. Никаких укрытий от дьявольского зноя здесь не было, равно как и от ночного холода, так что с перепадами температуры приходилось справляться собственными силами.

Если бы не ранения, полученные во время последней схватки с ведьмаками, жить было бы куда легче. Виктор как в кошмарном сне вспоминал ту ночь, выхватывал из памяти отдельные лица противников и злился, разглядывая их абсолютно бесстрастные глаза. Ему по большому счету было плевать на кошмарный шрам, проходящий по кривой диагонали через все лицо, буквально разорвавший

одну бровь, переносицу, верхнюю губу и подбородок, при этом лишь чудом оцарапав шею. Он не обращал внимания на дважды проколотое бедро, из-за которого ходить и концентрироваться становилось мучительно сложно. У него не было никаких сожалений по поводу сломанных пальцев на левой ноге. Все это было не столь важно на фоне того, что случилось тогда.

Глориан, новый командир ведьмаков, хладнокровно и без сожалений отнял жизнь у последнего представителя деревни Арвенх — еще юного и забавного парня Мильха. Тот погиб, пытаясь отбежать от поля боя, но вездесущий взгляд Глориана заметил покидающую схватку фигуру. Один рывок, короткий взмах меча... и голова мальчика с тихим свистом отлетела в сторону, как футбольный мяч, и приземлилась в догорающий остов дома старейшины.

Даша отделалась в основном лишь небольшими ссадинами, легкими порезами и жутчайшими переживаниями. Но для нее телесные повреждения не были помехой: взывая к природной силе рун, она постепенно затягивала свои раны и периодически делала то же самое с Виктором, но общая усталость, чертовски сильный голод и неумолимая жажда почти полностью лишили обоих иномирцев возможности использовать колдовство. А потому они наделись лишь на чудо.

Кроме полученных повреждений и потери всех жителей Арвенха случилась еще одна беда: во время боя Виктор лишился своего меча Пакемберга и сумки, в которой хранилась та самая Книга, найденная в родовом склепе Чариззов много месяцев назад. Даша и Виктор потеряли все, абсолютно все, что у них было в этом мире: дом, друзей, козыри для борьбы с врагами. Ко всему прочему они и сами находились на предсмертном издыхании, и последние вздохи оказывались далеко не такими приятными, как хотелось бы; создавалось ощущение, что основной составляющей здешнего воздуха был раскаленный мелкий острый песок.

Спустя одиннадцать дней после побега в Лавеосское

ханство иномирцы так и не увидели ни единого города, деревни или хотя бы истлевшей хибары. Зато они сполна насытились кактусами, иссохшими кустами, постоянно меняющими свою структуру барханами и изредка попадавшимися скелетами странных огромных животных.

Кактусы оказались ядовитыми. Вкусив это растение, Виктор потом целую ночь не мог уснуть из-за непрекращающейся рвоты. А рвота, как потеря жидкости, для организма в данной ситуации была более чем губительна. Даша же, наблюдая за страданиями товарища, взяла на себя обязанности по поиску провианта и воды, но, как оказалось позже, еду и хоть какую-нибудь жидкость найти здесь абсолютно нереально. И если иногда получалось поймать какого-нибудь небольшого скорпиона или незадачливо прилегшую поспать в тени камня змейку, то с водой дела обстояли в тысячу раз хуже: ее здесь словно и вовсе не было. Или иномирцам страшно не везло, и реки с оазисами разом решили спрятаться от незаконных иммигрантов за высокими песчаными горами.

Пока Виктор спал, укрыв голову от солнца собственной окровавленной и рваной рубахой, Даша сидела рядом и по памяти пыталась воспроизвести некоторые полученные из Книги знания. Она страстно желала достичь в данный момент такого единения с природой, чтобы та указала им путь к спасительному оазису или хотя бы к грязной луже. В отсутствие сил у девушки это ни капли не получалось. Более того, она не смогла выполнить даже простейшего трюка — стремительного выращивания травинки, что раньше у нее получалось едва ли не в промышленных масштабах.

После очередной неудачной попытки Даша со злостью сжала зубы так, что заболела голова. Стоял полдень, и была велика вероятность, что до вечера путники не доживут. Если не случится чуда — настанет конец.

И чудо произошло. Сперва девушке показалось, что это мираж. В последнее время она часто видела то, чего желала, но каждый раз это оказывалось обманом собственного

разума. Однако теперь, Даша была в этом на сто процентов уверена, на горизонте появилось что-то реальное, из плоти и крови. Что-то столь жизненно необходимое в данный момент, но в то же время таящее в себе смертельную опасность.

Горячий воздух искажал очертания приближающейся фигуры, но вскоре Даша уже смогла разглядеть незнакомца. Он шел по песку словно по каменной мостовой — статно, следя за осанкой и с высоко поднятой головой. На нем была длинная, достающая до колен белая рубаха, опоясанная красным ремнем, темные просторные шаровары, остроносые кожаные сапоги, просторная куфия на голове на манер арабских бедуинов и развевающийся черный плащ. Это был не пепельник, а человек, и постоять за себя он, видимо, умел, судя по двум кривым скимитарам на поясе: ведь сражаться с клинком в каждой руке может далеко не каждый воин.

Незнакомец шел именно к ним, словно знал, где они находятся, и был готов к встрече. Он подошел к иномирцам и, не спуская маски с лица, басовито произнес:

— Долго же вы здесь сидите. Совсем от жажды помираете, думается мне.

Даша раскрыла рот, но произнести ничего не смогла: язык, небо, глотка — все пересохло и забилося колючим песком. Незнакомец, прекрасно это понимая, остановил девушку коротким жестом:

— Не говори мне ни слова. Помоги поднять этого умирающего, и идем за мной. Я все объясню несколько позже.

Судьба — та еще шутница. Иномирцы скорее всего ходили вокруг да около все эти дни, постоянно сбиваясь с маршрута и блуждая среди тысяч одинаковых барханов. А тот самый рай, который они так надеялись отыскать, оказался всего в получасе ходьбы от места их последней стоянки. Это был самый настоящий оазис, пусть и не очень большой — всего метров двадцать в диаметре. Крохотный, но выглядящий просто божественно пруд был окружен с одной стороны невысокой скалой, а с другой —

густой зеленью и десятком финиковых пальм. На берегу стояла одинокая каменная хижина, а рядом, привязанная к стойлам, жевала сено странная серая лошадь, гораздо крупнее обычных особей, гордо красующаяся снопом длинных рогов на макушке и длинном носу.

Хозяин будто знал, чего ждет от него Даша, и махнул ей в сторону воды, мол, развлекайся, а сам тем временем оттащил Виктора в свое жилище. Видимо, смекнула девушка, здесь, кроме этого отшельника, никто не жил, ибо дом был слишком мал для проживания не то что в небольшой компании, но и даже просто вдвоем.

Все остальное, кроме воды, словно перестало для Даши существовать. Полностью забыв о правилах приличия, заткнув стыд и совесть в самые глубокие закрома своего разума, она не задумываясь сбросила с себя абсолютно всю одежду и с радостным возгласом нырнула в кристально чистый пруд. Вода оказалась холодной: водоем постоянно подпитывался из подземных вод, куда не доставали горячие солнечные лучи, но девушку это не волновало — она была готова замерзнуть до смерти, но перед этим буквально раствориться в этом чертовски желанном блаженстве. У ног то и дело сновали абсолютно бесстрашные рыбешки. По всей видимости, отшельник их подкармливал, чтобы те не боялись и преспокойно размножались для дальнейшей их ловли и поедания.

Забывшись в радости, Даша не заметила, как незнакомец появился на берегу. Он не сказал ни слова, лишь задумчиво глядел на купающуюся девушку, скрестив руки за спиной. Кажется, прелести женского тела его нисколько не волновали; по крайней мере, внешне он этого никак не показывал. Выждав несколько минут, он как бы невзначай откашлялся.

Даша вдруг резко вспомнила, где и в каком виде она находится, и сразу же прикрылась руками. Поняв, что же сейчас произошло, она стыдливо опустила взгляд и буквально почувствовала, как краснеет ее лицо. Отшельник же,

дабы не смущать гостью, отвернулся в сторону своего фыркающего скакуна и сказал:

— Твой друг будет в порядке, но ему нужно время, чтобы оклематься. Я дал ему немного финикового пюре и воды, так он не умрет с голоду. Вскоре мне придется заняться его ранами, а затем и твоими. Это будет довольно длительный процесс, так что советую тебе пока что-нибудь поделать. Например, помой моего Абракуля, — отшельник кивнул на лошадь. — Или насобирай хвороста на вечер, его полным-полно сразу за скалой: жар выжигает все растения там, но не трогает мою половину здесь, в тени. А если захочешь есть...

У Даши от слова «есть» сразу потекли слюнки.

— ...то ничем пока не могу тебе помочь. Я собирался идти в город за провиантом, но ваше появление слегка изменило мои планы. Так что можешь насобирать себе фиников. Не мясо, но очень питательно. Но не вздумай ловить мою рыбу, ясно? Это мои единственные друзья и молчаливые собеседники.

Девушка тем временем выбралась на берег и поспешно накинула на себя длинную рубашку. Закончив с одеждой, ответила:

— Благодарю тебя от своего имени и имени моего друга. Даже не знаю, чем мы сможем отплатить за такую доброту. Как мне тебя называть?

— Джамаф Музахаль паль Дигн Вейрах Рутарвах, к вашим услугам. — Отшельник повернулся к Даше. — Я знаю, что пепельники, покинувшие ханство и скитающиеся по землям герцогства, отбрасывают длинные имена и берут себе короткие прозвища или же пользуются лишь первым своим именем. Мол, так человеку легче запомнить. Так что можете звать меня просто Джамаф.

— Но ведь ты не пепельник, верно? Почему же ты говоришь так, словно не относишь себя к людям?

Джамаф усмехнулся и после некоторых раздумий стянул платок, скрывающий нижнюю половину лица. Под маской скрывалось нечто, чего нельзя было отнести ни к

пепельникам, ни к людям. Кожа едва ли отличалась от человеческой, равно как и форма лица. А вот в глазах явно читалось нечто странное, даже почти звериное; радужка была темно-коричневой, почти черной, а зрачки имели форму вертикального овала. Из-под нижней губы слегка выпирали наружу острые аккуратные клыки.

— Вы, люди, назвали бы меня метисом, — сказал Джамаф. — Результат кровосмешения пепельника и человека.

— Но ведь такого не бывает, — удивилась Даша. — Это совсем разные виды. Насколько мне известно, еще никто не смог забеременеть от представителя противоположной расы.

— Так и есть, — кивнул отшельник. — Но у тех, кто меня создал, были иные мысли на этот счет. Они решили, что такое возможно, — и вот я топчу этот песок уже семьдесят лет.

Девушка удивилась еще больше. На вид Джамаф едва ли перешагнул тридцатилетний порог. Она решила отложить вопросы на потом и вместо этого представилась:

— Меня зовут Даша. Моего друга — Виктор. Пожалуйста, никому не говорите о том, что виделись с нами, иначе у нас могут возникнуть колоссальные проблемы.

— Вы от кого-то бежите? За вами кто-то гонится? Кто-то опасный?

— Ну... не думаю, что те, кто шли по нашему следу, продолжили этим заниматься. Скорее всего, они отступили под натиском пустынного зноя и сухого песка. И они очень опасны. Очень.

— Надо полагать, фигуры вы важные, раз что-то заставило вас покинуть герцогство и выбрать вместо чего-то ужасного смерть в пустыне. Я не стану вас никому сдавать, да и нет смысла: здесь не действуют ваши законы, и даже если в Авельоне вас разыскивает целая армия, здесь на это всем глубоко наплевать. При условии, что за вас не назначена нескромная награда. Но лично меня золото не волнует. Так что спите спокойно.

Даша благодарно кивнула и спросила:

— Джамаф, есть ли у тебя запасная одежда? Наша изорвана и пропитана кровью, теперь это просто половые тряпки.

Отшельник кивнул:

— Идем.

Виктор проснулся в холодном поту. Уже неделю ему снились жуткие кошмары, и каждый раз в них фигурировали поселенцы Арвенха. Чаще всего они стояли на краю крутого обрыва, по которому текла бушующая огненная река. Один за другим жители грустно кивали иномирцу и грузными телами падали в адское пламя, мгновенно сгорая и разлетаясь по округе черным пеплом. И когда все они уже рухнули в реку, на краю остался лишь один — мальчик Мильх, не решающийся совершить последний в своей жизни прыжок. Он то и дело заносил ногу над обрывом, но вдруг отдергивал ее и начинал плакать. Языки огня внизу образовывали лица его родных и друзей, настолько безучастные и неживые, что идти к ним совсем не хотелось. Но что-то заставляло парня каждый раз вновь и вновь пытаться пересилить себя и прыгнуть туда, где сейчас находились все его близкие. И когда казалось, что вот-вот — и он совершит этот поступок, Виктор подбегал к нему, хватал за шиворот и оттаскивал прочь. Но мальчик злился, бил своего спасителя и вновь бежал к обрыву. Виктору ничего не оставалось, кроме как опять догонять незадачливого Мильха и отводить его в сторону.

Но в этот раз ему не удалось. В какой-то момент Виктора самого кто-то схватил за шиворот, не дав добежать до мальчика каких-то пару шагов. А Мильх тем временем все-таки набрался смелости и нырнул «солдатиком» в бездонные воды реки смерти.

Виктор обернулся, чтобы увидеть того, кто ему помешал. Незнакомец оказался человеком в длинной мантии с капюшоном на голове. Он казался абсолютно реальным, не созданной разумом иномирца иллюзией.